

Медиаобраз неблагополучной семьи: журналистика и литература

Научный руководитель – Фролова Татьяна Ивановна

Плаксина Ярослава Ильинична

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Кафедра периодической печати, Москва, Россия

E-mail: plaksinayaroslava@gmail.com

В современном отечественном медиапространстве социальная журналистика является одним из ведущих направлений массовой коммуникации. Немалую часть гуманитарной медиалюбви составляет репрезентация семейно-бытовых отношений: рейтинговые телепередачи («Мужское/женское», «Пусть говорят»; «Когда все вместе», «Прямой эфир», «ДНК» и др.), «женские» и «мужские» гляцевые журналы («Cosmopolitan», «Elle», «Glamour», «GQ» и др.), журналы биографий, массовые газеты («МК», «КП», «АиФ»), спонсированные государством «материнские» интернет-блоги - список может быть продолжен.

Ведущий принцип отражения семьи - одновременное создание архетипологизированного образа и модели для подражания, защита традиционных ценностей. При этом семья, оказавшаяся в фокусе медийного внимания, имеет конкретный отличительный признак, освещение которого положительно сказывается на ее социальной перцепции: многодетность, воспитание приемного ребенка, инвалидность одного из членов семьи или иные сложные, неординарные жизненные ситуации. Наличие или преодоление этих обстоятельств создает определенную меру драматизации, необходимую и привлекательную для аудитории.

В основу типологии медийных семейно-бытовых конфликтов могут быть положены следующие противоречия:

- конфликт семьи и государства: противостояние честной семьи коррумпированным органам местной власти (коммунальщикам, службам опеки и пр.) или жизненным обстоятельствам (безработица, нищета и пр.);
- внутрисемейный конфликт: противостояние условно «хорошей» части семьи агрессивно настроенным родственникам («делёжка» детей и пр.);
- конфликт семьи и общественности: противостояние двух и более позиций по насущным и резонансным вопросам современности (аборты, малолетние беременности и пр.).

Образ семьи в СМИ отличается синкретичностью, предназначенной для наиболее простого восприятия широкими массами, при этом в нем отсутствует компонент идеализации. Образ должен быть достигаемый, что на подсознательном уровне будет побуждать читателя или зрителя совершенствовать собственные внутрисемейные разногласия. Упрощенная философия данной модели поведения: «Люди с более серьезными проблемами преодолели трудности, смогу и я».

Проблемная семья также постоянный объект новой российской прозы, литературного, сугубо художественного внимания: А. Цыпкин «Свадебное насилие», «Не скажу» П. Санаев «Похороните меня за плинтусом», М. Ахмедова «Корова», Л. Улицкая «Иностранка», «Дракон и Феникс», «Алиса покупает смерть», М. Петросян «Дом, в котором...», Л. Улицкая «Дракон и Феникс», Л. Петрушевская «Бедное сердце Пани». Культуремный

палимпсест постмодерна и метамодерна отрицает возможность создания чистого образа семьи, поэтому в ультрановой прозе он не может быть сформулирован финитно.

Именно этим литературный дискурс заметно отличается от медийного. Характерная деталь, присущая семье в постмодернизме, - это не конкретная модель поведения, отдельная проблема или их совокупность, как в дискурсе документальном. В литературе представлена надтрагедия.

Трагедия неблагополучной и окруженной проблемами семьи в современной русской литературе заключается в ее невосприятии себя как проблемной, так как вокруг нее в общественно-социальном пласте расположены подобные ей. Каждая трудная ситуация взаимосвязана с любой другой, этот «тандем» оказывается осложнен общими социальными проблемами (безработица, финансовый кризис, некачественные общественные блага и пр.). Зачастую нарратор не обратил бы на них внимание в повседневной жизни, так как подобные ситуации стали нормой, и только благодаря акцентированию внимания на этих проблемах, читатель начинает идентифицировать эти ситуации как элементы трагического пафоса в его полном проявлении. В литературе конфликтны обычные ординарные семьи, в журналистике - особенные, неординарные.

Типология литературных конфликтов отличается от журналистских:

- внутрисемейное психо-физическое насилие;
- перегрузка женщины различными социальными ролями - материальное обеспечение семьи, быт и воспитание детей;
- дисгармония интимных отношений, отсутствие психогигиены интимной жизни;
- малодетность семьи или нежелание иметь детей вообще;
- андрогинизация и асексуализация семьи, нечеткое разделение ролей в ней.

Документальные журналистские конфликты, как и литературно-художественные, преимущественно социально обусловлены. Однако в последних помимо социального подтекста проявляется внутренний, нравственно-психологический конфликт.

В русском метареализме не только «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему»^[5], но и каждая счастливая семья несчастлива по-своему. Через призму воззрения метамодерниста, семейный быт - это промежуточный шаг между постмодернистским депрессивно-угнетенным объединением и ее последующим катарсисом.

Таким образом, кризис традиционной семьи в журналистике и в современной русской прозе имеет различные дискурсы. Если в СМИ отображены «экстраситуации», гиперболизированные для упрощения их восприятия, то в ультрановой русской прозе центральными являются микротрагедии, которым подвержены обычные семьи. Основными причинами подобного расхождения этих трактовок являются дифференциация поставленных задач и различия целевых аудиторий с их качественной способностью к ашперцепции. Именно эта разница между медийной и литературной традицией создает общий, комплементарный образ, наиболее разносторонне воздействующий на общество.

Источники и литература

- 1) Медиасистема России /Под ред. Е.Л. Варгановой. М.: Аспект Пресс, 2020.
- 2) Проблематика СМИ. М.: Аспект Пресс, 2009.
- 3) Тёрнер Л. Манифест метамодерниста. <http://www.metamodernism.org/>

- 4) Толстой Л.Н. Анна Каренина. М.: Прогресс, 1981.
- 5) Фролова Т.И. Гуманитарная повестка российских СМИ. М.: МедиаМир, 2014.